

читать. Тѣмъ выше будетъ твоя добродѣтель предъ Богомъ и людьми, если ты и не стоющимъ по твоему мнѣнію будешь оказывать любовь и почтеніе, какъ заслужившимъ того. Для *Господа* почти ихъ, для собственнаго блага и счастья воздай любовію. Для блага другихъ, чтобы имъ подать добрый примѣръ, почитай всякихъ родителей, каковы-бы они ни были. Господь въ своей заповѣди не сказалъ: почитай отца и мать добрыхъ, а всякихъ, сказалъ просто: *чти отца твоего и мать*, слѣдовательно чти, не обращая вниманія на то, хороши-ли они или худы. Дѣламъ, жизни ихъ, если они не одобрительны, не слѣдуй, но самихъ ихъ уважай и почитай.

б) Всѣ мы, конечно, желаемъ, чтобы дѣла наши шли успѣшно, чтобы жизнь наша длилась долго, проходила бозъ печалей и особенныхъ бѣдъ и скорбей. Всѣ мы желаемъ, чтобы Богъ благоволилъ къ намъ, чтобы благословеніе Его почивало на насъ. Но какъ будетъ почивать это благословеніе на томъ, на комъ нѣтъ благословенія родительскаго? Былъ-ли благополученъ Хамъ, дерзнувшій посмѣяться надъ отцемъ своимъ?—Нѣтъ, проклятый отцомъ, онъ былъ проклятъ и отъ Бога, за грѣхъ его пострадало и все потомство его. Къ преподобному Пароенію, епископу Лампсакійскому,

одни родители привели своего больного сына, прося помолиться объ исцѣленіи его. Преподобный не сталъ молиться. „Онъ заслужилъ такую болѣзнь за непочтеніе васъ, родителей“, сказалъ онъ имъ. „Пустъ онъ и страдаетъ теперь“. Тутъ родители объяснили ему, что дѣйствительно онъ оскорблялъ ихъ и они просили ему отъ Бога наказанія за это непочтеніе, но теперь имъ стало жалко его. Только вслѣдствіе неотступной просьбы родителей преп. Пароеній наконецъ исцѣлилъ его. Такъ, не почитающій родителей—врагъ прежде всего самому себѣ, своему собственному благосостоянію, своему собственному спасенію. Отверженный Богомъ здѣсь, онъ отверженъ будетъ Богомъ и тамъ, и не хотѣвшій почестъ отца земного, не удостоится въ будущей жизни хвалить, созерцать Отца небеснаго. Какъ-бы въ знаменіе этого въ ветхо-завѣтныя времена не почитающихъ родителей побивали камнями.

III. Итакъ, дѣти, бойтесь оскорблять своихъ родителей, почитайте ихъ, покойте, утѣшайте чѣмъ и какъ можете,—не чуждайтесь ихъ, если они просты и необразованны, не тяготитесь больными и старыми, терпите, снисходите къ подверженнымъ слабостямъ. Аминь. (Сост. по „Сборн. общепон. поучен.“ свящ. П. Шумова, вып 2-й, изд. 1892 г.).

Тридцать первый день.

Положеніе честнаго пояса Пресвятыя Богородицы.

(О томъ, какія молитвы не угодны Божіей Матери?)

I. Нынѣ церковь воспоминаетъ положеніе честнаго пояса Пресв. Богородицы, что было въ 408 г. Кромѣ Своей ризы, Пресв. Богородица оставила вѣрующимъ еще Свой честный поясъ; онъ былъ передаваемъ между вѣрующими такъ же, какъ и риза, по преемству отъ одного къ другому въ Іерусалимѣ. Императоръ Аркадій, сынъ Θεодосія Великаго, получивъ поясъ изъ Іерусалима, положилъ его въ Константинополь. По времени, вслѣдствіе общественныхъ бѣдствій, поясъ былъ взятъ изъ Константинополя въ г. Зилу, въ Каппадокіи, но при императорѣ Іустинѣ снова былъ принесенъ въ Константинополь. Отъ него происходили многія чу-

деса по молитвѣ къ Божіей Матери, если эти молитвы были благоугодны Господу и были пріемлемы Богоматерью. Часть пояса находится на Аѳонѣ, въ Ватопедскомъ монастырѣ, въ крестѣ, другая часть—въ Трирскомъ монастырѣ, на западѣ.

II. Братіе христіане! Многіе усердно молятся предъ иконами Божіей Матери и глубоко чтятъ св. предметы, бывшіе въ употребленіи Ея во время земной жизни Ея, наприм. Ея ризу и поясъ, какъ орудіе милостей Божіихъ, какъ священное огражденіе. Но не всякая молитва можетъ быть услышана Богоматерью.

а) Во-первыхъ, не разумныя молитвы, какъ бы онѣ ни были усердны, никогда не могутъ быть услышаны Царицей небесной.

Не тяжело ли Пресвятой Дѣвѣ Маріи слышать (а Она слышитъ!), какъ обиженный кѣмъ-либо, вмѣсто того,

чтобъ просить себѣ, по заповѣди Спасителя, любви къ обидѣвшему, просить ему отмщенія и гибели? Не тяжело ли слышать (а Матерь Божія слышитъ!), какъ похитившій, или присвоившій неправедно чужую собственность, вмѣсто того, чтобы просить себѣ благаго расположения *возвратить четверницею* (Лук. 19, 8) неправедно стяжанное, просить успѣха въ сокрытіи своей неправды отъ очей правосудія? Для вразумленія таковыхъ просителей мы должны, хотя кратко, замѣтить, что на небѣ нѣтъ лицепріятія, что тамъ пріемлется одна правда или искреннее покаяніе, что воля Матери Божіей и Сына Ея есть одна и та же—*святость наша* (1 Сол. 4, 3), что Матерь и не можетъ просить того, чего не можетъ даровать Сынъ безъ нарушенія Своей правды, что потому просящіе неправеднаго сами себѣ изрекають не только отказъ, но и осужденіе.

б) Во-вторыхъ, подѣ это осужденіе подходить и всѣ тѣ, кои у Матери Божіей просятъ хотя позволительнаго, но съ намѣреніемъ нечистымъ. Такъ, напримѣръ, если кто проситъ богатства, имѣя сильное желаніе начать вести жизнь роскошную и сладострастную; если кто молить о возвращеніи здоровья, чтобы, получивъ просимое, немедленно возвратиться къ худымъ навыкамъ и дѣламъ. Всѣ таковые и подобные просители да вѣдаютъ однажды и навсегда, что они не примутъ просимаго, ибо *злѣ просятъ* (Іаков. 4, 3). Всякое прошеніе о неправедномъ, или для цѣли незаконной, есть оскорбленіе Матери Божіей и обращается на главу просящаго.

в) Въ-третьихъ, молитвы къ Богородицѣ исключительно о благахъ чувственныхъ также не всегда могутъ быть услышаны Ею.

Если бы какимъ-либо чудомъ открылась предъ нами совокупность прошеній, возсылаемыхъ къ Ней въ одномъ семь храмѣ, что, думаете, увидѣли бы мы? Увидѣли бы безчисленный рядъ прошеній о благахъ временныхъ, о избавленіи отъ различныхъ болѣзней, отъ враговъ, отъ клеветъ и гоненій, объ успѣхѣ въ торговлѣ, въ путешествіяхъ, въ бракосочетаніи, и тому подобное. Но много ли, думаете, явилось бы предъ нами прошеній о благахъ духовныхъ, о исцѣленіи отъ различныхъ болѣзней души и совѣсти, о побѣжденіи худыхъ привычекъ и страстей, о стяжаніи той

или другой добродѣтели, о совершеніи трудныхъ подвиговъ любви къ Богу и ближнему? Ахъ, и безъ особеннаго откровенія таинъ сердечныхъ, можно безошибочно сказать, что прошеній о духовныхъ благахъ къ Матери Божіей весьма немного. Отчего же такъ, развѣ у насъ одно тѣло, а души и совѣсти нѣтъ? Развѣ душа и совѣсть наша не имѣютъ своего рода болѣзней и нуждъ? Развѣ Матерь Божія можетъ подавать одно временное и тлѣнное? Или мы любимъ одно тѣло наше, а душу ставимъ ни во что? или не вѣримъ въ другую жизнь, въ судъ и воздаяніе по смерти?—Но этого никто не скажетъ изъ самыхъ развращенныхъ людей. Не скажемъ словами, а дѣлами говоримъ непрестанно едва не всѣ мы. У всѣхъ только и заботы, что о земномъ и тлѣнномъ, о пищѣ, одеждѣ, забавахъ, а о томъ, въ какомъ состояніи наша душа, цѣла ли совѣсть, вѣрны ли мы Христу, съ Кѣимъ сочѣтались при крещеніи, не уклонились ли отъ пути праваго,—о томъ, какъ намъ оставить эту суетную жизнь и явиться предъ нашимъ Создателемъ, измыты ли наши грѣхи покаяніемъ, есть ли въ насъ хотя малый ростокъ для вѣчной жизни въ Богѣ, объ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, мы, если и помышляемъ, то весьма рѣдко, поверхностно, какъ о дѣлѣ чужомъ и неважномъ. И въ такомъ несчастномъ расположеніи духа мы являемся въ самые храмы Божіи! Съ такимъ небреженіемъ о своемъ спасеніи не стыдимся предстать предъ нашего Искупителя и Его пречистую Матерь!—Можетъ ли Она внимать такимъ неразумнымъ просителямъ?—Даровать блага, нами просимыя, значило бы съ Ея стороны дать намъ случай еще болѣе прилѣпиться къ земному и чувственному, еще глубже погрузиться въ удовольствія плотскія, потерять послѣднюю память о душѣ, совѣсти и будущей жизни. Посему нисколько не удивительно, если Пресвятая Дѣва, по истинной любви Ея къ намъ, не слышитъ многихъ прошеній нашихъ; если даже подаетъ намъ совершенно противное тому, о чемъ мы молимся къ Ней.

III. Отсюда само собою выходитъ новое, необходимое правило для нашихъ молитвъ къ пресвятой Дѣвѣ, которое однако же весьма часто забывается: я разумѣю нужду за-

ключать всѣ прошенія къ Ней преданіемъ ихъ и себя въ Ея святую волю. Этого требуетъ собственная наша польза. ибо, по ограниченности нашего ума, по нечистотѣ нашего сердца, мы можемъ молить Господа и святыхъ Его о томъ, что намъ кажется полезнымъ, а само въ себѣ есть вредъ, или и само въ себѣ полезно, но для насъ пагубно. Съ неба же виднѣе всѣ мы, и все наше, прошедшее, настоящее и будущее; посему небожителямъ удобнѣе располагать нашею участію. Нашъ же долгъ, памятуя сіе, не стужать имъ прошеніями безусловными, не унывать, если не видимъ исполненія просимаго, не печалиться, если надъ нами сбывается и противное тому. Это мнимое невниманіе ихъ къ нашимъ молитвамъ можетъ быть истиннымъ плодомъ нашихъ молитвъ. Въ такомъ случаѣ лучше всего безъ роптанія обратиться къ своей совѣсти, рассмотреть свою жизнь,

вникнуть въ свои способности, свой нравъ, свои отношенія, вспомнить, что мы созданы не для земли, а для неба, что нынѣ — завтра позовутъ насъ въ наше не земное отечество: тогда самъ можешь видѣть, почему Матерь Божія не исполнила какого-либо твоего прошенія. А если бы и при всемъ томъ не увидѣлъ причины сего, то и тогда не должно унывать и роптать, памятуя, что мы здѣсь многого не понимаемъ въ судьбѣ своей. Придетъ время, когда все откроется. Тогда будемъ благодарить святыхъ Божіихъ, что не слушали многихъ нашихъ молитвъ, поступали вопреки нашимъ желаніямъ.

Мати Божія! не только защити, но и вразуми насъ: ибо мы сами и о чемъ помолимся, *якоже подобаетъ, не вѣдѣемъ* (Рим. 8, 26). Аминь. (Сост. по проп. Иннокентія, арх. херс. и тавр., т. II, стр. 93—101 и др. источн.).

Мѣсяцъ сентябрь.

Первый день.

Поуч. 1-ое. Преп. Сүмеонъ столпникъ.

(Безъ труда ни въ чемъ не успѣешь).

I. Воспоминаемый въ нынѣшній день преподобный Сүмеонъ называется столпникомъ, потому что въ послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни онъ подвизался на столпѣ. На какомъ столпѣ, спросите вы, и что это за родъ подвижничества — столпничество? Удивительный это родъ подвижничества, брат. мои; много удивлялись такому роду подвижничества даже великіе подвижники пустынь сирійскихъ и египетскихъ, современники преподобнаго Сүмеона; нѣкоторые изъ нихъ издалека приходили къ столпу Сүмеона, что въблизи Антиохіи сирской, чтобъ посмотрѣть на такого чуднаго человѣка Божія и хотъ одно слово отъ него услышать. Къ мѣсту подвиговъ столпника Сүмеона почти ежедневно приходили толпы народа изъ разныхъ, иногда и изъ очень отдаленныхъ странъ, — приходили и изъ Грузіи, и изъ Арменіи, и изъ Персіи, и изъ Аравіи, и даже изъ Испаніи, изъ Италіи и Британіи, — приходили иереи и святители, приходили цари и царицы, — и всѣ уходили отъ новоявленнаго столпника съ великою душевною пользою для себя и съ несказаннымъ удивленіемъ. Что же они тутъ видѣли? Представьте себѣ сложенную изъ простыхъ необдѣланныхъ камней башню въ сорокъ локтей высоты (т.-е. около 20 арш.), и такой толщины, что она скорѣе походила на столпъ, чѣмъ на башню. На этой башнѣ площадка, аршина въ два, такъ что на ней едва двумъ человѣкамъ можно стоять и сидѣть. Площадка эта обнесена на аршинъ высоты тонкими стѣнками. Рѣдко когда она была прикрыта чѣмъ-нибудь въ родѣ кровли, а большею частію она была совершенно открытою и для холода, и для зноя, и для снѣга, и для

дождя, и для вѣтровъ и для всякой непогоды. Вотъ вамъ и жилье человѣка Божія Сүмеона. Тутъ онъ и проводилъ дни и ночи въ непрестанныхъ подвигахъ поста, молитвы и богомыслія, тутъ онъ жилъ такою святою жизнію, такъ пламенѣлъ сердечною любовію ко Господу, что быть, можно сказать, ярко горящую свѣчею предъ Богомъ, въ небесахъ.

Какъ свята, удивительна и поучительна была его жизнь, это можно видѣть отчасти уже и изъ того, что цѣлые полки измаилтянъ-язычниковъ, по двѣсти, по триста, а иногда и по тысячъ человѣкъ, приходившіе къ столпу Сүмеона, съ крикомъ отрекались отъ языческихъ заблужденій своихъ и своихъ отцевъ, топтали ногами идоловъ, которымъ прежде кланялись, сокрушали ихъ, и съ великою радостію сердца принимали то ученіе, которое предлагалъ имъ медоточными словами, согрѣтыми духомъ христіанской любви, преподобный Сүмеонъ съ своего столпа. А сколько тутъ совершалось чудесныхъ исцѣленій, сколько преподавалось благодатныхъ утѣшеній и мудрыхъ наставленій! Подобно многоводной рѣкѣ, они изливались отъ великой благодатной души преподобнаго столпника. „Новое и чудное таинство совершалось въ наши дни, писалъ одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ преподобнаго Сүмеона столпника. Я самъ — Антоній грѣшникъ и послѣднѣйшій изъ учениковъ его — видѣлъ то, что предано письмами“. „О дѣяніяхъ преподобнаго Сүмеона столпника хотя могу свидѣтельствоваться почти всѣми, говорить блаженный Θεодоритъ кирскій, писатель его житія, но страшусь приступить къ повѣствованію, чтобъ не показались они потомкамъ баснословными и недостоверными, такъ какъ превышаютъ человѣческую природу“ (Мѣс. вост. ч. II, стр. 266).

А какъ же, думаете вы, братіе, достигъ преподобный Сүмеонъ такой великой святости? „Великимъ трудомъ“, отвѣчаетъ онъ самъ за себя. Когда ему было только тринадцать лѣтъ, и онъ былъ еще простымъ, неграмотнымъ пастухомъ овецъ, — послѣ одного вразумительнаго случая въ храмѣ Божиѣмъ, Сүмеонъ отправился въ одно пустынное мѣсто и тутъ съ плачемъ молился Господу, чтобъ Господь открылъ ему путь спасенія; молился и уснулъ. И вотъ, видится ему такой сонъ: онъ будто бы начинаетъ копать ровъ, какъ бы для фундамента какого нибудь зданія. „Копай глубже!“ слышитъ онъ откуда-то голосъ. Повинуется и копаетъ. Уставши отъ труда, онъ прекращаетъ работу, думая, что уже достаточно выкопалъ. Но опять оттуда же слышитъ голосъ: „копай еще глубже!“ Онъ опять продолжаетъ копать. И въ третій разъ взываетъ къ нему тотъ же голосъ, возбуждая его къ труду. Наконецъ таинственный голосъ его останавливаетъ и говоритъ: „довольно уже; а теперь если хочешь созидать, созидай, трудясь прилежно: ибо безъ труда ни въ чемъ не успѣешь“. И сталъ трудиться послѣ этого рабъ Божій Сүмеонъ надъ спасеніемъ своей души, и такъ трудился, какъ немногіе трудились изъ величайшихъ подвижниковъ. Постоянно работая духомъ, слѣдя неусыпно за внутренними помыслами своей души, Сүмеонъ много трудился и надъ обуздываніемъ своего тѣла: то онъ обвязывалъ себя тяжелыми веригами, отъ чего дѣлались страшныя раны, и гнило его тѣло; то смирялъ плоть свою седмидневными, а иногда сорока-дневными постами; то упражнялся въ подвигѣ безмолвнаго стоянія на молитвѣ по цѣлымъ недѣлямъ; то жилъ въ затворѣ по цѣлымъ годамъ и пр. А когда онъ подвизался на столпѣ, сколько онъ тутъ терпѣлъ Христа ради и отъ насѣкомыхъ, и отъ дневного лѣтнаго зноя, и отъ ночного зимняго холода, и отъ бурь, и отъ разныхъ другихъ невзгодъ! О подвигѣ его на столпѣ между прочимъ слѣдующее рассказываетъ блаженный Θεодоритъ. „Случилось однажды, что не малая часть стѣнки, которую была обнесена верхняя площадка столпа, отвалилась, дверка въ одной изъ этихъ стѣнокъ открылась. Свято-

го въ то время можно было хорошо видѣть: и многіе видѣли, какъ по долгу святой стоялъ тутъ неподвижно, устремивъ глаза къ небу, и какъ много онъ творилъ поклоновъ во время молитвы. Одинъ изъ окружавшихъ столпъ хотѣлъ сосчитать, сколько онъ въ одинъ разъ дѣлалъ поклоновъ, — насчиталъ тысячу двѣсти сорокъ четыре, а больше и пересталъ считать, уставши смотрѣть на высоту. Но святой не изнемогалъ творить поклоны и больше: его тѣло было такъ легко и одухотворено, что молитвенные поклоны не составляли для него никакого труда, или лучше, были для него обычнымъ дѣломъ.

II. А мы, кажется, думаемъ спасти свою душу, сдѣлать ее доброю, святою, безъ всякаго труда, безъ особенныхъ заботъ... Странная вещь; во многомъ другомъ дѣлаѣ: въ устройствѣ ли хозяйства, въ обработкѣ ли поля, въ воздѣлываніи ли огорода, въ занятіяхъ ли какихъ-нибудь мастерствомъ, въ воспитываніи ли дѣтей и пр. и пр., мы считаемъ трудъ необходимымъ условіемъ для успѣха дѣла и говоримъ: безъ труда ни въ чемъ не можетъ быть успѣха. А когда дѣло касается воспитанія нашей души, ея улучшенія, ея усовершенствованія, ея спасенія, — мы думаемъ, что это само собою дѣлается. Живи, какъ живетъ, и только; думать о спасеніи души, объ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ нашей жизни, или лучше задуматься надъ своею душою, трудиться надъ нею, — трудиться съ постоянствомъ, съ терпѣніемъ, — дѣло какъ будто лишнее и не подходящее. Молиться подольше съ поклонами дома, ходить въ храмъ Божій почаще, стоять въ немъ подольше да повнимательнѣе, молиться тутъ съ поклонами, поститься построже во славу Божию въ дни положенные церковью, слѣдить за своими дурными привычками и бороться съ ними, распиная плоть свою со страстями и похотями, и пр. и пр., мы считаемъ для себя трудомъ почти не посильнымъ... Отсюда и выходитъ, что душа наша остается и невоздѣланною и незасѣянною нивою, какъ поле у лѣниваго хозяина, или какъ огородъ у небрежной хозяйки, а потому и бесплодною.

III. Будемъ помнить твердо, братіе, святое правило, вразумившее на всю